

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2026.91.27.018

Проблемы межрегиональной дифференциации региона России по экономическим показателям

Кузнецов Александр Аркадьевич

Студент,
Московский областной филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
143402, Российская Федерация, Красногорск, ул. Речная, 8;
e-mail: alexandrkuznetsv@yandex.ru

Кулагина Анна Сергеевна

Старший преподаватель,
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
143402, Российская Федерация, Красногорск, ул. Речная, 8;
e-mail: kulagina-as@ranepa.ru

Бутузова Лариса Леонидовна

Кандидат экономических наук,
доцент, заведующий кафедрой ГСЭиЕНД,
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
143402, Российская Федерация, Красногорск, ул. Речная, 8;
e-mail: butuzova-ll@ranepa.ru

Аннотация

Исследование посвящено рассмотрению текущих трендов экономической дифференциации регионов Российской Федерации. В статье также рассматривались возможные решения проблемы, связанной с межрегиональной дифференциацией. В результате исследования автором были сформулированы идеи по снижению разрыва в уровне развития регионов.

Для цитирования в научных исследованиях

Кузнецов А.А., Кулагина А.С., Бутузова Л.Л. Проблемы межрегиональной дифференциации региона России по экономическим показателям // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 4А. С. 194-202. DOI: 10.34670/AR.2026.91.27.018

Ключевые слова

Регион, дифференциация, ВРП, агломерация, концентрация, межрегиональный, кластерная политика, экономическое неравенство.

Введение

Проблема межрегиональной дифференциации относится к числу наиболее устойчивых и институционально сложных вызовов в системе региональной экономики Российской Федерации. Объективные различия между субъектами Российской Федерации по природно-климатическим условиям, географическому положению, обеспеченности природными ресурсами, плотности и качеству транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры изначально определяют асимметрию их экономического потенциала. Ни одна страна с сопоставимой территорией и разнообразием природно-климатических зон не свободна от подобных различий. Однако в российской практике указанные разрывы приобрели исключительно высокую амплитуду. По данным официальной статистики, разница между максимальным и минимальным значением валового регионального продукта (далее по тексту ВРП) на душу населения достигает десятков раз, при этом на долю десяти наиболее развитых субъектов Федерации приходится более половины суммарного ВРП, тогда как остальные 75 регионов располагают менее чем половиной совокупного экономического продукта.

Основная часть

В постсоветский период (особенно в 1990-е и 2000-е годы) изначальная ресурсно-географическая асимметрия не только не была нивелирована, но и трансформировалась в устойчивую социально-экономическую поляризацию. Рыночные реформы, приватизация крупнейших промышленных предприятий, концентрация финансовых, инвестиционных и налоговых потоков в ограниченном круге регионов, а также последующие макроэкономические шоки (кризисы 1998, 2008–2009, 2014–2015 и 2020 годов) объективно способствовали накоплению преимуществ в немногих точках экономического пространства. В результате сформировалась группа регионов-лидеров, включающая преимущественно сырьевых экспортеров (Тюменская область с входящими в ее состав Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, Республика Татарстан, Красноярский край) и крупнейшие столичные агломерации (Москва с Московской областью, Санкт-Петербург). Указанные территории концентрируют основную долю валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал и налоговых поступлений в консолидированный бюджет. На противоположном полюсе находятся регионы с устойчиво низкими экономическими показателями, расположенные, как правило, в глубине континента, вдали от экспортных портов и крупных рынков сбыта. К числу таких территорий относятся, например, ряд республик Северо-Кавказского федерального округа (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан), а также отдельные субъекты Дальневосточного и Сибирского федеральных округов. Многие из них на протяжении десятилетий функционируют в режиме высокой дотационности, не формируя эндогенных источников устойчивого экономического роста.

Чрезмерная межрегиональная дифференциация создает прямые угрозы экономической безопасности Российской Федерации. Рост различий в уровне среднедушевых доходов населения и занятости провоцирует интенсификацию миграционных потоков из депрессивных регионов в более благополучные. Прежде всего, отток охватывает молодежь и лиц с высоким уровнем профессиональной квалификации, что ведет к обеднению человеческого капитала территорий-доноров миграции и, как следствие, к дальнейшей деградации их социально-экономической базы. Параллельно возрастает нагрузка на федеральный бюджет в части

межбюджетных трансфертов: дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, субсидии, иные формы финансовой помощи требуют ежегодного увеличения, тогда как их мультипликативный эффект в депрессивных регионах остается низким.

Кроме того, высокая степень регионального неравенства снижает эффективность проведения единой денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики. Унифицированные макроэкономические меры, разрабатываемые федеральным центром, дают неодинаковые, а порой и противоположные результаты в регионах с различной отраслевой структурой и уровнем развития. Меры бюджетного стимулирования, эффективные в нефтегазодобывающем регионе с высокой бюджетной обеспеченностью, могут оказаться нейтральными или даже проциклическими для аграрного или промышленно-депрессивного субъекта, испытывающего дефицит собственной доходной базы.

На протяжении двух последних десятилетий государством предпринимались многократные попытки сглаживания межрегиональных диспропорций. Реализовывались федеральные целевые программы регионального развития, создавались особые экономические зоны и территории опережающего социально-экономического развития, функционировала система дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, применялись механизмы инфраструктурных и инвестиционных субсидий. Тем не менее, кардинального сокращения межрегионального разрыва не произошло. Более того, в условиях внешних санкционных ограничений (начиная с 2014 года и с особой интенсивностью после 2022 года), перестройки глобальных логистических цепочек, сокращения традиционных экспортных направлений и необходимости форсированного импортозамещения отдельные проблемные регионы оказались в еще более уязвимом положении. В частности, субъекты Федерации, экономика которых была ориентирована на кооперационные связи с недружественными государствами либо на привлечение прямых иностранных инвестиций из западных стран, столкнулись с резким сжатием рынков сбыта, разрывом производственных цепочек и уходом стратегических партнеров. В этих условиях прежние подходы к выравниванию регионального развития требуют глубокого пересмотра - механическое воспроизведение инструментов 2000-х - первой половины 2010-х годов не соответствует изменившейся геополитической и экономической реальности.

Согласно научным трудам некоторых ученых, неравномерность развития регионов приводит к возникновению различных социально-экономических проблем, связанных с концентрацией богатства в меньшем количестве субъектов Российской Федерации. Возникает ситуация, при которой большая часть регионов являются дотационными, технологически и промышленно отстающими от меньшей части — более богатых субъектов Федерации.

Актуальность темы обоснована ростом межрегиональной дифференциации, усилением в разрыве значений макроэкономических показателей между регионами. Данную проблему выделяет ряд исследователей, ученых, научных сотрудников. Так, например, Васильева и Васильев пишут, что «межрегиональная дифференциация на протяжении новейшей истории России продолжает развиваться» [Васильева, Васильев, 2019], что может свидетельствовать о том, что проблема с течением времени усиливается.

Основным показателем общеэкономической дифференциации, используемых при анализе проблемы в исследовании, относится ВРП. Для целей исследования также предлагается рассмотреть показатель межрегиональной миграции населения. В совокупности эти два показателя могут дать представление о текущих тенденциях и, ввиду ограниченности объема статьи, наиболее полно показать текущие тренды дифференциации.

По данным Росстата за 2022 год, на Москву, Московскую область, Санкт-Петербург и

нефтегазовые регионы (Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО) приходится свыше 40% совокупного ВРП страны, при этом ВРП на душу населения в этих субъектах в 5–7 раз превышает аналогичный показатель в Республике Тыва, Калмыкии или Ингушетии [Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024, 2024]. Такая концентрация экономической активности объясняется не только сырьевой специализацией, но и высокой долей сектора услуг, финансовых потоков и инноваций в столичных агломерациях.

Ниже приведены таблицы, с помощью которых можно рассмотреть и подтвердить тезис о том, что концентрация ВРП сосредоточена в этих 5 регионах.

Таблица 1 – ВРП топ-5 регионов России [Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024, 2024]

№	Субъект	ВРП, млн. рублей, 2022 г.
1	Москва	28 507 429,1
2	Санкт-Петербург	11 166 443,7
3	Московская область	7 720 842,6
4	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	6 894 316,5
5	Ямало-Ненецкий автономный округ	5 350 247,9
	Совокупный ВРП России	140 670 816,5

Источник: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf

Таблица 2 – Сравнение доли совокупного ВРП по топ-5 регионам в совокупном ВРП России, 2015 и 2022 год [Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024, 2024]

№	Показатель	ВРП, млн. рублей, 2015 г.	ВРП, млн. рублей, 2022 г.
1	Совокупный ВРП по топ-5 регионам	25 176 776	59 639 279,8
2	Совокупный ВРП России	65 750 633,6	140 670 816,5
3	Доля совокупного ВРП по топ-5 регионам в совокупном ВРП России	Примерно 38,3%	Примерно 42,3%

Рассчитано по: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf

Из приведенных таблиц отчетливо видна динамика увеличения общеэкономической межрегиональной дифференциации. В 2015 году концентрация валового регионального продукта на пяти регионах-лидерах составляла 38,3% от общероссийского показателя. За семь лет (к 2022 году) это значение увеличилось на 4 процентных пункта, достигнув 42,3%. Приведенные цифры свидетельствуют не о случайных колебаниях, а об устойчивом тренде, при котором экономическое пространство Российской Федерации концентрируется во все меньшем числе субъектов. Важно подчеркнуть, что рост доли топ-5 регионов происходит на фоне двукратного увеличения абсолютного объема совокупного ВРП страны (с 65,8 до 140,7 трлн рублей), то есть выгоды от экономического роста распределяются крайне неравномерно.

Не менее показателен качественный состав группы лидеров. В 2015 году в топ-5 входил Краснодарский край, который бесспорно является эпицентром туризма, рекреационной экономики и сельскохозяйственного производства. К 2022 году данный субъект уступил место Ямало-Ненецкому автономному округу, в результате чего в пятерке оказалось сразу два нефтегазовых региона (наряду с Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой). Это изменение отражает более глубокий структурный сдвиг: в условиях роста мировых цен на энергоносители в отдельные периоды и последующей переориентации экспортных потоков

сырьевые регионы получили дополнительное преимущество перед территориями, специализирующимися на обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве или туризме. Таким образом, сама логика формирования топ-5 изменилась в сторону усиления сырьевой составляющей.

Можно утверждать, что валовой региональный продукт распределен неравномерно как в территориальном, так и в отраслевом отношении. Из пяти регионов-лидеров два (40% от общего числа) являются нефтегазодобывающими, а остальные три - города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург) и Московская область, которая функционально образует с Москвой единую столичную агломерацию. Фактически, вся экономическая мощь страны сконцентрирована в двух типах территорий: с одной стороны это сырьевые экспортеры, с другой - столичные агломерации, где сосредоточены финансовые потоки, штаб-квартиры крупнейших корпораций, научно-исследовательский потенциал и сервисная экономика. Остальные 80 регионов, включая территории с развитой промышленностью (Урал, Поволжье) или аграрной специализацией (юг России), вынуждены довольствоваться оставшейся долей экономического продукта.

Резюмируя, можно констатировать, что межрегиональная дифференциация имеет четкую тенденцию к углублению, причем одновременно по двум измерениям: географическому и отраслевому. Усиление позиций сырьевых регионов в составе топ-5 на фоне выхода из него диверсифицированных территорий (Краснодарский край) является тревожным сигналом. Это означает, что российская экономика становится не только более поляризованной в пространственном отношении, но и более зависимой от узкой группы сырьевых и столичных регионов, что в долгосрочной перспективе снижает устойчивость национальной экономической системы к внешним шокам.

Однако концентрация экономической активности лишь в нескольких регионах была бы невозможна без соответствующего перераспределения такого ключевого ресурса, как население. Именно межрегиональная миграция не только сопровождает, но и во многом усиливает описанную выше поляризацию.

Межрегиональная миграция также вносит свой вклад в усиление проблемы неравномерного территориального развития. Ключевым трендом является концентрация прироста лишь в ограниченном числе субъектов: из 85 регионов (без учета новых субъектов) положительная динамика наблюдается лишь в 23, включая Московскую и Ленинградскую области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономный округ [Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024, 2024]. При этом столичная агломерация, например, демонстрирует устойчивый рост на протяжении многих лет. Можно предположить, что это происходит в том числе благодаря миграционному притоку из прилежащих территорий.

Гиперконцентрация ресурсов в столичных агломерациях и сырьевых регионах, притягивающих население, подтверждает тезис о нарастающей поляризации, где миграция выступает как фактор усугубления дисбалансов. Для коррекции тренда требуется пересмотр региональной политики, ориентированный на удержание кадров в «депрессивных» территориях, где темпы роста населения снижаются на протяжении многих лет, через инвестиции в инфраструктуру и создание «точек роста» за пределами Москвы и нефтегазовых кластеров.

Понимание природы и механизмов дифференциации, изложенное выше, формирует необходимую основу для перехода к анализу предлагаемых путей решения проблемы. Именно с опорой на выявленные дисбалансы (концентрация ресурсов, миграционный отток, отсутствие точек роста на периферии) ученые и практики разрабатывают конкретные меры, способные если

не устранить, то существенно ослабить остроту регионального неравенства

Экономисты предлагают различные варианты того, как можно уменьшить влияние и значение уже существующей проблемы на социально-экономическое положение России в будущем либо полностью нейтрализовать риск увеличения межрегиональной дифференциации. Так, например, Андрей Клепач в докладе «Организация российского пространства в новой реальности» предложил следующие идеи:

1) Многополюсная система развития, предполагающая поворот экономики на Восток, включающая в себя рост промышленных и научно-инновационных кластеров в восточных регионах;

2) Кластерная политика;

3) Перераспределение инвестиций в территории потенциального роста;

4) Переход от конкуренции за ресурсы к кооперации между регионами [Клепач, 2024].

По мнению экономиста, такие меры позволят снизить долю Европейской части РФ по показателю ВРП с 71,2% в 2023 до 68,7% в 2045 году, увеличив вклад других регионов с 2023 до 2045: Урала — на 0,3%, Центральной Сибири — на 1%, Восточной Сибири — на 0,8%, Дальнего Востока — на 0,8% [Клепач, 2024].

Авторы предлагают обратить внимание на кластерный подход к развитию регионов и уменьшению межрегиональной дифференциации. Это действенный метод позволяет уменьшить разрыв между регионами в социально-экономическом плане, снизить зависимость от импортных товаров, ввозимых в Российскую Федерацию, и улучшить качество отечественных продуктов, увеличить долю эксплуатации и использования российского оборудования внутри страны. Продолжая собственную мысль, отмечаю, что кластерный подход предполагает объединение усилий регионов, специализирующихся на производстве того или иного продукта в определенной отрасли и специализации этих регионов в отдельных видах деятельности, что образует единую систему по производству отечественного товара. Предполагается, что подобная мера позволит снизить миграционное давление, в частности, на агломерации, например, Москвы и Московской области, так как больше людей будут оставаться в регионах, что создаст условия для диверсификации в регионах, позволит им быть устойчивыми в период кризисов, а также создаст новые рабочие места в субъектах, что повлечет за собой рост доходов и сокращение дотаций из регионов-доноров.

Для проведения такой политики предлагаю следующие существенные условия:

1) Привязка кластеров к местным ресурсам, исходя из реального природного, экономического, социального потенциала.

2) Поддержка малого и среднего бизнеса, создание реальных условий для того, чтобы МСП был заинтересован вносить вклад в экономику, создавая предприятия, необходимые для образования кластерной зоны.

3) Разработка стратегии на десятилетия вперед и пересмотр среднесрочных и краткосрочных планов. В условиях геополитических и других рисков, необходимо пересматривать и корректировать выполнение средне- и краткосрочных планов для более эффективного распределения ресурсов и сокращения рисков, связанных с созданием и развитием кластерной зоны.

Анализ действующих государственных механизмов выравнивания (федеральные целевые программы, особые экономические зоны, система дотаций) показывает, что при всей их необходимости кардинального сокращения межрегионального разрыва не произошло. В условиях внешних санкционных ограничений и перестройки логистических цепочек проблемные регионы оказались в еще более уязвимом положении, что требует пересмотра

сложившихся подходов. В качестве одного из перспективных направлений корректировки региональной политики авторы предлагают обратить внимание на кластерный подход к развитию регионов и снижению межрегиональной дифференциации. Данный метод позволяет уменьшить разрыв между регионами в социально-экономическом плане, снизить зависимость от импортных товаров, улучшить качество отечественной продукции и повысить долю использования российского оборудования внутри страны. Суть подхода заключается в объединении усилий регионов, специализирующихся на производстве определенного продукта в конкретной отрасли. Формирование единой системы по производству отечественного товара на основе межрегиональной кооперации позволяет задействовать конкурентные преимущества каждого субъекта Федерации.

Ожидается, что реализация кластерной политики приведет к ряду позитивных эффектов. Во-первых, снизится миграционное давление на крупнейшие агломерации, прежде всего Московскую и Ленинградскую области, поскольку создание новых рабочих мест в регионах будет способствовать закреплению населения на местах. Во-вторых, кластеризация обеспечит диверсификацию региональных экономик, повысив их устойчивость к внешним шокам и кризисным явлениям. В-третьих, рост доходов населения в субъектах Федерации, вовлеченных в кластерные цепочки, позволит постепенно сокращать объем дотаций из федерального центра и снижать нагрузку на бюджеты регионов-доноров.

Для успешной реализации кластерной политики необходимо соблюдение ряда существенных условий. Прежде всего, требуется привязка создаваемых кластеров к местным ресурсам: формирование кластеров должно исходить из реального природного, экономического и социального потенциала территории, а не из искусственно навязанных приоритетов. Только опора на объективные конкурентные преимущества региона обеспечит долгосрочную устойчивость кластерной структуры. Также необходима системная поддержка малого и среднего предпринимательства, такая как создание реальных (в том числе налоговых, административных и инфраструктурных) условий для того, чтобы МСП был заинтересован вносить вклад в региональную экономику, открывая предприятия, необходимые для формирования и развития кластерной зоны. Именно малый и средний бизнес часто выступает связующим звеном между крупными якорными производствами в составе кластера. Наконец, требуется долгосрочное стратегическое планирование с возможностью гибкой корректировки: разработка стратегии развития кластеров на десятилетия вперед, а также регулярный пересмотр среднесрочных и краткосрочных планов. В условиях высокой геополитической и экономической неопределенности такая корректировка позволяет более эффективно распределять ресурсы и минимизировать риски, связанные с созданием и развитием кластерных зон.

Заключение

Таким образом, кластерный подход при соблюдении указанных условий может стать действенным инструментом снижения межрегиональной дифференциации. Он не предлагает уравниловки, а напротив, опирается на специализацию и кооперацию регионов, что в долгосрочной перспективе способствует формированию более сбалансированного, устойчивого и менее поляризованного экономического пространства Российской Федерации. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть посвящены разработке конкретных моделей кластеров для отдельных макрорегионов, а также оценке их потенциальной эффективности с использованием методов экономико-математического моделирования.

Библиография

1. Васильева Л.В., Васильев В.В. Тенденции развития межрегиональной дифференциации в России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-mezhregionalnoy-differentsiatsii-v-rossii>
2. Клепач А.Н. Организация российского пространства в новой реальности: презентация доклада на VI Всероссийской научно-практической конференции по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию (Томск, 21-22 марта 2024 года) // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы VI конференции ИНИ РАН и ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2024. URL: <https://ecfor.ru/publication/politika-kompleksnogo-razvitiya-territorij-klepach/>
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf

Problems of Interregional Differentiation of Russian Regions by Economic Indicators

Aleksandr A. Kuznetsov

Student,
Moscow Regional Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
143402, 8, Rechnaya str., Krasnogorsk, Russian Federation;
e-mail: alexandr.kuznetsov@yandex.ru

Anna S. Kulagina

Senior Lecturer,
Moscow Regional Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
143402, 8, Rechnaya str., Krasnogorsk, Russian Federation;
e-mail: kulagina-as@ranepa.ru

Larisa L. Butuzova

PhD in Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Humanities, Social,
Economic and Natural Science Disciplines,
Moscow Regional Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
143402, 8, Rechnaya str., Krasnogorsk, Russian Federation;
e-mail: butuzova-ll@ranepa.ru

Abstract

The study is devoted to examining the current trends in the economic differentiation of the regions of the Russian Federation. The article also considered possible solutions to the problem associated with interregional differentiation. As a result of the research, the author formulated ideas

for reducing the gap in the level of development of regions.

For citation

Kuznetsov A.A., Kulagina A.S., Butuzova L.L. (2026) Problemy mezhregional'noy differentsiatsii regiona Rossii po ekonomicheskim pokazatelyam [Problems of Interregional Differentiation of Russian Regions by Economic Indicators]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 16 (4A), pp. 194-202. DOI: 10.34670/AR.2026.91.27.018

Keywords

Region, differentiation, GRP, agglomeration, concentration, interregional, cluster policy, economic inequality.

References

1. Klepach, A. N. (2024). Organizatsiya rossiyskogo prostranstva v novoy realnosti [Organization of Russian space in the new reality]. In *Economic policy of Russia in intersectoral and spatial dimension* (Proceedings of the VI Conference of INP RAS and IEOPP SB RAS). Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS. <https://ecfor.ru/publication/politika-kompleksnogo-razvitiya-territorij-klepach/>
2. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2024: Statistical collection. (2024). Rosstat. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf
3. Vasilyeva, L. V., & Vasilyev, V. V. (2019). Tendentsii razvitiya mezhregionalnoy differentsiatsii v Rossii [Trends in the development of interregional differentiation in Russia]. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, (2-1). <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-mezhregionalnoy-differentsiatsii-v-rossii>